
Владимир Кожедеев
Сыскнадзор.
Книга 2

Юмор. Комедии. Приключения

Владимир Кожедеев

Сыскнадзор. Книга 2

«Автор»
2026

Кожедеев В.

Сыскнадзор. Книга 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Юмор. Комедии. Приключения)

Данная история представляет собой продолжение книги "Приключения коллежского асессора Мышкина и кота Генри". Главные герои по-прежнему детектив Мышкин и его кот Генри.Сметана может быть честной. Усы — длинными. А ложь — пахучей. Если вы не верите — спросите у кота. Только не забудьте зажмуриться — он чихает прямо в лицо тем, кто врёт. В этом цикле вас ждут: подземное царство Платона, вампиры-бизнесмены, феи с амбициями, подпольные сыровары, парижская кошачья мафия, говорящие ламы, десятки скандалов, сотни интриг и одна-единственная настоящая сметана — та, за которой стоит кот Генри.

© Кожедеев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 9
Глава 3. 13
Глава 4. 16
Глава 5. 19
Глава 6. 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Владимир Кожедеев
Сыскнадзор. Книга 2

Глава 1.

Всё началось с того, что император проснулся в плохом настроении. Плохое настроение само по себе для Николая Павловича было не редкость, но в это утро оно достигло критической отметки, потому что, открыв шкатулку на туалетном столике, император не обнаружил там главного символа своей власти.

— КОРОНА! — заорал он на весь Зимний дворец. — ГДЕ КОРОНА?!

Шкатулка была пуста. Даже бархатной подушечки внутри не оказалось — только маленькая записка, сложенная треугольником. Император развернул её дрожащими руками. На клочке бумаги было выведено каллиграфическим почерком: «Корона у того, кто носит усы. Ищите среди своих. Подпись: Похититель».

Усы были у многих. У фельдмаршалов, у министров, у самого императора. Но первую фраза «носит усы» в сочетании со второй «ищите среди своих» вызвала у Николая Павловича единственную ассоциацию.

— Мышкин! — закричал он. — Немедленно ко мне! И КОТА ЕГО С СОБОЙ ПРИВЕДИТЕ!

Мышкин, Генри, Мурка и Екатерина Алексеевна прибыли в императорские покои через полчаса. В коридорах уже шушукались придворные, фрейлины, лакеи и даже швейцары. Главная новость разлетелась быстрее пожара: корона украдена! Кто? Как? Когда? И почему записка указывает на усы?

— Что случилось, Ваше Величество? — спросил Мышкин, входя в спальню.

— Что случилось?! — император ткнул пальцем в пустую шкатулку. — Корона! Пропала! А это — улика!

Мышкин взял записку, прочитал, нахмурился.

— «У того, кто носит усы», — прочитал он вслух. — У вас, Ваше Величество, тоже есть усы.

— Мои усы — при мне! — рявкнул император. — И корона — не при мне! Значит, не я!

— А у меня усы, — вдруг сказал Генри, — но я не вор!

— Докажи, — император уставился на кота.

— Как? — Генри опешил.

— Обыщите его! — приказал император.

Обыск Генри длился десять минут. Его перевернули, потрясли, понюхали (как он сам делал с другими). Корону не нашли. Но в кармане Мышкина (кот сидел на плече) обнаружили… кусок сыра. Лиза-крыса, сидевшая в том же кармане, виновато пискнула.

— Это не улика, — сказал Мышкин. — Это завтрак.

— Завтрак — это когда за столом, — отрезал император. — А сыр в кармане — это… это предумышленное сокрытие!

— Ваше Величество, — вмешалась Екатерина Алексеевна, становясь видимой. — Не горячитесь. Корона не могла исчезнуть сама собой. Нужно провести расследование. А для этого не нужно никого обвинять без доказательств.

— А вы, Екатерина Алексеевна, где были ночью? — спросил император подозрительно.

— Я — привидение! — возмутилась императрица. — Я вообще нигде и везде одновременно. Корона мне не нужна. У меня своя, на том свете.

— А показать?

— Не могу. Там не фотографируют.

Император задумался. Потом посмотрел на Генри, на Мышкина, на Мурку, на Екатерину Алексеевну.

— Так, — сказал он. — Я объявляю временный арест всех подозреваемых. Кот — под домашний арест в кабинете Мышкина. Мышкин — за решётку. Привидение — под надзор в стену. Кошку — в другую стену. А крысу — в мышеловку!

— За что? — заорали все хором.

— За то, что вы единственные, кто способны на такое! — ответил император. — У вас есть опыт! Вы умеете проникать везде! Вы — профессионалы!

— Мы — сыщики, а не воры! — возмутился Генри.

— А мне кажется, что воры маскируются под сыщиков, — сказал император и сделал знак гвардейцам.

Мышкина повели в тюрьму. Генри — на Офицерскую, под надзор. Мурку — во флигель. Екатерину Алексеевну… никуда не увели, потому что её невозможно было схватить, но она для приличия исчезла.

— Генри! — крикнул Мышкин, когда его выводили из дворца. — Найди корону! Ты один можешь!

— А как? — крикнул кот в ответ.

— Нюхай! Думай! Спрашивай у привидения! И справься без меня!

Генри остался в кабинете один. Мурку увели, Лиз-крысу посадили в мышеловку (специальную, большую, с решёткой), Сметана №3 булькала в сапоге, а Екатерина Алексеевна вылезла из стены с расстроенным видом.

— Генри, — сказала она. — Мы должны действовать. Я подслушала разговор во дворце. Корона спрятана в подвале, в том самом, где раньше была прачечная. Её спрятал… тот, кого никто не подозревает.

— Кто? — спросил Генри.

— Фон Штольц, — прошептало привидение. — Камер-юнкер. Он обижен на императора за то, что его не повысили. Он украл корону, чтобы потребовать выкуп. Но записку написал так, чтобы подозрение пало на котов и сыщиков.

— Но почему на котов? — удивился Генри.

— Потому что он боится котов, — ответила Екатерина Алексеевна. — С детства. У него фобия. А когда человек боится, он хочет, чтобы боялись и другие. Или чтобы подозревали тех, кого он боится.

— Логика идиота, — сказал Генри.

— Но она сработала, — вздохнуло привидение. — Мышкин в тюрьме. Вы — под арестом. А фон Штольц прячется в подвале с короной. Идём?

— Идём, — сказал Генри. — Только сначала я съем сметану. На голодный желудок я плохо нюхаю.

Он съел сметану (оставшуюся с вечера), вытер усы и прыгнул в окно (дверь была заперта гвардейцами). Екатерина Алексеевна полетела рядом, невидимая.

— Генри, — сказала она. — А если фон Штольц вооружён?

— Тогда я его защекочу, — ответил кот. — Это моё новое оружие. Оно не убивает, но обезвреживает.

— А если он не боится щекотки?

— Тогда я его съем. Но это крайний случай.

Они вошли в Зимний дворец через чёрный ход. Спустились в подвал. Тот самый, где когда-то пахло мылом и обидой. Теперь здесь пахло порохом, страхом и… ландышами? Генри принюхался. Ландыши — это запах фон Штольца. Он пользовался ландышевой водой.

— Он здесь, — прошептал Генри. — Я чую.

В углу, за старой стиральной машиной, кто-то всхлипывал.

— Фон Штольц? — спросил Генри.

— Кто здесь? — раздался испуганный голос.

— Кот Генри. Я пришёл за короной.

— Не отдам! — закричал камер-юнкер. — Корона моя! Я продам её и уеду в Париж! А императору скажу, что её украл Мышкин! И кот! И все они!

— А если я скажу императору правду? — спросил Генри.

— Я убью тебя! — фон Штольц выскочил из-за машины с ножом в руке.

— Ножи против когтей? — усмехнулся Генри. — Игра нечестная. Но я согласен.

Кот прыгнул. Не на камер-юнкера — на нож. Он выбил его лапой, поцарапал руку, зашипел. Фон Штольц заорал, отшатнулся, упал в корыто. Генри наступил ему на грудь.

— Где корона? — спросил он.

— Там, — показал камер-юнкер на печку.

За печкой, в мешке, лежала императорская корона. Целая, невредимая, с бриллиантами, с жемчугами, с историей.

— Екатерина Алексеевна, — сказал Генри. — Отнесите императору. Пусть знает, что я не вор.

— С удовольствием, — сказало привидение, взяло корону прозрачными руками и исчезло.

А Генри остался сторожить фон Штольца. Тот лежал в корыте, мокрый, скучный, побеждённый.

— Зачем ты это сделал? — спросил кот.

— Обида, — прошептал камер-юнкер. — Обида на императора. На жизнь. На себя. Хотел стать богатым. Знаменитым. А стал… никем.

— Ты стал преступником, — сказал Генри. — А преступники — это те, кто не умеет прощать. Обида прошла бы, а судимость останется. Ты пожалеешь.

— Уже жалею, — всхлипнул фон Штольц.

— Поздно, — ответил кот. — Теперь будет суд. И тюрьма. И перевоспитание. А может быть, и каторга. Но это не страшно. Главное — ты понял ошибку.

— Понял, — сказал камер-юнкер.

— Тогда замолчи. И жди полицию.

Через десять минут пришли гвардейцы, забрали преступника, вернули корону императору. Мышкина выпустили из тюрьмы. Мурку — из флигеля. Лизу-крысу — из мышеловки. Все собрались в кабинете на Офицерской.

— Генри, — сказал Мышкин, обнимая кота. — Ты спас меня. Снова.

— Я спас корону, — поправил Генри. — А ты — само собой. Ты мой хозяин. Как я без тебя?

— А я без тебя? — улыбнулся Мышкин. — Ты мой друг. Моя совесть. Мой нос.

— И медаль, — добавил Генри, надевая награду. — Не забывай про медаль.

— И про сметану, — сказала Мурка.

— И про сметану, — кивнул кот.

Они сели за стол, нажарили блинов, открыли сметану. Ели молча, с чувством, с толком, с расстановкой. Победа праздновалась. Обида забывалась. Жизнь продолжалась.

— Генри, — спросил Мышкин. — А ты веришь, что фон Штольца перевоспитают?

— Верю, — ответил кот. — В тюрьме есть сметана? Нет. Значит, он будет страдать. А страдание — лучший учитель.

— Лучше любви, — сказала Екатерина Алексеевна из стены.

— Лучше сметаны? — уточнил Генри.

— Лучше сметаны — только сметана, — ответила императрица. — А любовь и страдание — это так, добавки.

— Добавки не нужны, — сказал Генри. — Мне нужна сметана. И друзья. И покой.

— А приключения? — спросил Мышкин.

— Приключения — это работа, — зевнул кот. — А покой — это дом. Я люблю дом.

Он положил голову на лапы и закрыл глаза. Ему снился огромный город, полный запахов, тайн и сметаны. И он бежал по этому городу, ловил преступников, спасал короны и возвращался домой. К Мышкину. К сметане. К счастью.

А где-то в подвале Зимнего дворца, в пустой камере предварительного заключения, сидел фон Штольц и плакал. Он вспоминал свою жизнь, свои ошибки, свою обиду. И понимал, что всё могло быть иначе. Если бы он не украл корону. Если бы не написал ту записку. Если бы не боялся котов.

— Простите меня, — прошептал он в пустоту.

— Прощаем, — ответило привидение Екатерины Алексеевны, проплывая сквозь стену. — Но исправляйся. У тебя есть шанс.

— Какой?

— Тюрьма — это не конец. Это перерыв. Выйдешь — начнёшь заново. Будешь работать. Служить. Уважать котов. И всё будет хорошо.

— А корона? — спросил фон Штольц.

— Корона вернулась. Император счастлив. Сыщики на свободе. Усы при деле. Всё в порядке.

— А я?

— А ты — человек, который ошибся. Таких много. Но не все признают ошибку. Ты признал. Это твой первый шаг к свободе.

Камер-юнкер замолчал. В тюремной тишине он услышал, как где-то далеко мяукнул кот. И этот звук показался ему не страшным, а родным.

— Спасибо, Екатерина Алексеевна, — сказал он.

— Не за что, — ответила императрица и исчезла.

А на Офицерской улице, в кабинете Мышкина, всё спали. Коты, люди, крысы, сметана. И только корона на столике у императора сияла в лунном свете, напоминая о том, что даже самые ценные вещи могут быть утеряны, но, если есть друзья, коты и привидения — всё вернётся на круги своя.

Даже сметана.

Даже корона.

Даже счастье.

Глава 2.

После истории с короной прошло всего три дня. Император Николай Павлович, который наконец-то успокоился и снова начал нормально есть (включая любимую уху и блины со сметаной), столкнулся с новой катастрофой. За завтраком, когда подали второе, он привычно потянулся к столовому прибору, но ложки не было. Вместо неё на скатерти лежала крошечная серебряная вилочка для улиток.

— А где моя ЛОЖКА? — заорал император так громко, что фарфоровые тарелки задребезжали. — Серебряная, с вензелем, которой мой дед Пётр III хлебал щи?!

— Ваше Величество, — промямлил камер-юнкер (новый, потому что предыдущего посадили), — мы обыскали всю столовую. Ложки нет. Похоже, её…

— Украли! — закончил император и стукнул кулаком по столу. — Мышкина ко мне! И кота! И крысу! И привидение! Всех! Эта ложка — память! В ней — история! В ней — душа! Без неё я не ем!

Через час вся команда в полном составе стояла в императорской столовой. Мышкин осматривал стол, Генри нюхал скатерть, Мурка заглядывала под буфет, Лизы (обе) обыскивали углы, а Екатерина Алексеевна парила под потолком и комментировала.

— Запах, — сказал Генри, чихая. — Мыши. И… что-то ещё. Ржавчина. Или металл.

— Мыши не едят серебро, — заметил Мышкин.

— Но они могли его утащить, — возразил кот. — Мыши любят блестящее. Они собирают его в своих норках.

— Это предрассудок, — пискнула Лиза-крыса из кармана. — Мыши не коллекционеры. Крысы — да, но мы собираем сыр, а не ложки.

— А кто тогда? — спросила Мурка.

— Возможно, человек, — сказала Екатерина Алексеевна. — Я видела ночью тень. Маленькую, сутулую. Она прошмыгнула в столовую через буфетную.

— Через буфетную? — переспросил Мышкин. — Это помещение, где хранят посуду?

— И где живут… буфетчики, — добавил Генри. — А среди буфетчиков есть один подозрительный. Я его нюхал на прошлой неделе. От него пахнет сыром и воровством.

— Ты можешь определить «запах воровства»? — улыбнулся Мышкин.

— Могу, — серьёзно ответил Генри. — Это смесь страха, жадности и дешёвого одеколона. У буфетчика — именно такой.

Они направились в буфетную. Там, за длинным столом, сидел пожилой человек в белом фартуке и перебирал вилки. Увидев сыщиков, он побледнел, выронил вилку и попытался спрятаться под стол.

— Господин… как вас? — спросил Мышкин.

— Семён Семёнович Ложкин, — прошептал буфетчик. — Я не виноват! Это не я! Это она!

— Кто — она? — спросил Генри.

— Буфетная фея! — заорал Ложкин. — Она просит серебро! Если не дать — она насылает порчу! У меня третьего дня ноги свело! А вчера уши заложило! Я испугался и положил ложкой по её просьбе… то есть ложку… в назначенное место!

— Какое место? — спросил Мышкин.

— За печкой, в буфетной, в щели. Она сказала, что придёт ночью и заберёт. А я… я дурак, поверил!

— Где щель? — спросил Генри.

Ложкин показал. В углу, за огромной чугунной печкой, была маленькая ниша. Генри засунул туда лапу и вытащил… серебряную ложечку. Но не ту. Маленькую, чайную, с позолотой.

— Это не императорская, — сказал Мышкин.

— А это откуда? — спросила Мурка.

— Не знаю, — всхлипнул буфетчик. — Я клал большую. А теперь тут маленькая. Подменили!

— Или фея передумала, — съехидничал Генри. — Мышкин, здесь пахнет не феей. Здесь пахнет заговором. Кто-то использует буфетчика как прикрытие, чтобы воровать столовое серебро.

— Это я и есть! — раздался голос из щели.

Из ниши вылезла… крыса. Большая, серая, с умными глазами и с серебряной цепочкой на шее.

— Лиза? — удивился Мышкин. — Это ты?!

— Нет, — ответила крыса. — Я — Роза. Сестра Лизы. Та самая, которая ушла из дома в прошлом году, потому что не хотела жить в сапоге. Я создала свою банду. Мы воруем серебро и продаём его антиквару на Литейном. А буфетчик — наш Заместитель— то есть наш человек. Он даёт нам ложки, а мы платим ему сыром.

— Ты — преступница! — возмутился Генри. — А твоя сестра — честная крыса!

— Честная, но глупая, — усмехнулась Роза. — Она сидит в кармане у сыщика и грызёт сухари. А я живу в подвале, питаюсь икрой и скоро куплю себе дом.

— Икрой?! — ахнула Екатерина Алексеевна. — Это моя икра!

— А теперь моя, — дерзко ответила Роза. — Кстати, привидение, вы тоже можете быть полезны. Светитесь в тёмных углах, пугаете сторожей — а мы воруем. Идёт?

— Не идёт, — сказал Генри и прыгнул на крысу.

Роза ловко увернулась, юркнула обратно в щель. Генри попытался за ней, но застрял.

— Мышкин! — заорал он. — Вытаскивай! Я застрял! Мои усы! Они сломаются!

Мышкин потянул кота за хвост. Генри вылетел из щели, как пробка из шампанского, и приземлился прямо в таз с мыльной водой.

— Уф, — сказал он, отплёвываясь. — Усы целы. А крыса ушла.

— Роза! — крикнула Лиза-крыса, высовываясь из кармана. — Вернись! Ты не права! Воровство — это зло!

— А сыр? — донёсся голос из трубы.

— Сыр можно купить! Честно!

— Дорого, — ответила Роза и исчезла.

— Генри, — сказал Мышкин. — У нас есть ночь. Роза вернётся за большой ложечкой — она не успела её забрать. Мы устроим засаду.

— С мышеловками? — спросил Генри.

— С привидением, — ответил Мышкин. — Екатерина Алексеевна, вы сможете стать невидимой и схватить её?

— Смогу, — кивнула императрица. — Но потребую икры. За риск.

— Получите, — сказал Мышкин. — Император щедр.

Ночь. Буфетная. Тишина. За печкой, в щели, лежала приманка — императорская ложка, покрытая слоем сыра (чтобы привлечь крысу). Мышкин спрятался за шкафом, Генри — на люстре, Мурка — под столом, Лизы (обе) — в сапоге (но одна из них — подозреваемая). Екатерина Алексеевна парила невидимо у щели.

— Идёт, — прошептал Генри. — Я чую запах… сыра и наглости.

Из трубы высунулась серая мордочка. Роза огляделась, вылезла, подошла к ложке. Схватила. И в этот момент Екатерина Алексеевна стала видимой и наступила ей на хвост.

— Ааа! — заверещала крыса. — Пусти!

— Не пущу, — сказала императрица. — Ты арестована.

Генри спрыгнул с люстры, подбежал, прижал Розу лапой. Мышкин взял её в руки.

— Ты обокрала императора, — сказал он. — Теперь сядешь в клетку. Крысиную тюрьму.

— А мои подельники? — прошептала Роза.

— Подельников мы поймаем. Ты расскажешь.

— Не расскажу.

— Расскажешь, когда останешься без сыра, — сказал Генри. — Крысы без сыра сдают всех.

— Ты жесток, — всхлипнула Роза.

— Я справедлив, — ответил кот. — Это разные вещи.

Они отнесли Розу в участок, посадили в клетку. Ложку вернули императору. Тот прослезился, поцеловал её, пообещал награду.

— Мышкин, — сказал император. — Вы снова спасли реликвию. Просите, что хотите.

— Свободу Ложкину, — сказал Мышкин. — Он был орудием, а не преступником. И сыр ему верните.

— Сыр — это можно, — кивнул император. — А крысу?

— Крысу — на перевоспитание. К её сестре. В сапог.

— В сапог?! — возмутилась Лиза-крыса из кармана. — У меня там Сметана №3! Тесно!

— А вы потеснитесь, — сказал Мышкин. — Семья есть семья.

— Но она — преступница!

— Бывшая, — поправил Генри. — Теперь будет исправляться.

Вернувшись в кабинет, они устроили совет. Розу посадили в старый сапог (вместе со Сметаной №3, которая была не против). Лизе-крысе пришлось переехать в другой сапог — левый.

— Генри, — сказал Мышкин. — А ты не боишься, что Роза сбежит?

— Не боится, — ответил кот. — Она под честным крысиным словом. А крысиное слово — это почти как клятва.

— Почти?

— Ну, если будет сыр, — не удержится, — честно сказал Генри. — Но сыра нет. Есть сухари. А сухари не крадут.

— Почему? — спросила Мурка.

— Потому что сухари — это не престижно, — усмехнулся Генри. — Роза хочет икру. А икру воровать сложно. Её охраняет привидение.

— Я охраняю! — сказала Екатерина Алексеевна из стены. — И не только икру. Но и ложки. И вилки. И всё серебро.

— А золото? — спросил Мышкин.

— Золото — это к другому привидению, — отмахнулась императрица. — Я — скромная.

Они легли спать. Генри — на подоконнике, Мурка — рядом, Мышкин — на диване, Лизы — в сапогах, Роза — в отдельной клетке (для профилактики). Екатерина Алексеевна парила под потолком, напевая старый романс. Всё было тихо, мирно и сыро.

— Генри, — прошептал Мышкин. — А ты веришь, что Роза исправится?

— Верю, — ответил кот. — Потому что даже крысы могут понять, что воровать — это не дело. Особенно когда сидят без сыра.

— А если не поймёт?

— Тогда мы её съедим, — зевнул Генри. — Шутка. Отдадим в добрые руки. Например, в цирк. Там крысы выступают.

— Жестоко, — сказал Мышкин.

— Справедливо, — ответил Генри. — Это разные вещи, но иногда они совпадают.

Он закрыл глаза и заснул. Ему снилась большая крыса, которая танцевала вальс с серебряной ложкой. А привидение играло на скрипке. И сметана лилась рекой. И это был хороший сон — добрый, сытый, без преступлений.

— Спокойной ночи, Генри.

— Спокойной ночи, Мышкин.

— Спокойной ночи, ложка, — прошептал кот и улыбнулся во сне.

А в сапоге Роза тихо плакала и обещала себе больше никогда не воровать. Только не потому, что это плохо. А потому, что сухари слишком твёрдые, а перспектива жить в сапоге с кисломолочным продуктом — не для крысы её уровня.

— Когда-нибудь, — прошептала она, — я куплю себе дом. На честно заработанные крошки.

Но это — другая история.

Глава 3.

Утро после ареста Розы выдалось на удивление солнечным. Петербург сверкал свежевымытой мостовой, Нева голубела, а в кабинете на Офицерской пахло типографской краской (Мышкин читал газету), сыром (Лизы обе грызли свои пайки) и сметаной (Генри уже успел позавтракать). Идиллия рухнула в десять часов, когда дворник Никифор принёс конверт без обратного адреса.

— Ваше благородие, — сказал он, нервно теребя шапку. — Там это... пахнет серой и крысами. Я не стал открывать.

Мышкин вскрыл конверт. Внутри лежал лист бумаги, исписанный мелким, аккуратным почерком, и маленький серебряный колокольчик — тот самый, что пропал из сервизной ещё год назад и считался утерянным навсегда.

«Господин сыщик и усатый кот! — гласило письмо. — Я — Король Крыс. Я знаю, что вы арестовали мою лучшую воровку Розу. Она ценна для меня не как исполнительница, а как свидетель. Она знает, где спрятаны главные сокровища, украденные за последние десять лет из Зимнего дворца. Я предлагаю обмен: Розу на карту. Карта — в канализации, под Литейным мостом. Приходите в полночь. Один кот. Без людей. Иначе сокровища уйдут к мышам, а вы останетесь с носом (и без усов, которые так любите). Король Крыс. P.S. Усы у вас отличные. Я бы их носил с гордостью. P.P.S. Сметану не предлагать — я аллергик».

— Генри, — Мышкин побледнел. — Это ловушка.

— Это вызов, — поправил кот, начиная точить когти о ножку стола. — Король Крыс не стал бы писать письмо с комплиментами моим усам, если бы не был серьёзен. Он знает, что я люблю лесть. И он знает, что я пойду.

— Я с тобой, — сказала Мурка.

— Нет, — отрезал Генри. — Он просил одного кота. Женщины не выносят крысиного запаха — вы чихаете. Мужчины терпят. Я пойду один.

— А привидение? — спросил Мышкин.

— Екатерина Алексеевна пойдёт невидимой. На всякий случай. Но если она вмешается — сделка сорвётся. Так что — только наблюдать.

Императрица-привидение согласно вздохнула из стены. Ей явно не нравилась идея подземелий, но отказываться от икры (которую обещал император в случае успеха) она не хотела.

Полночь. Литейный мост. Луна спряталась за тучи, Нева шумела, где-то вдалеке лаяла собака. Генри стоял на парапете, всматриваясь в темноту. Екатерина Алексеевна парила рядом, невидимая, и тихо напевала ради смелости.

— Он придёт, — сказал кот сам себе. — Такие всегда приходят. Им нужно внимание.

Из-под моста, из трубы, ведущей в канализацию, раздался шорох. Показался крысиный нос, потом — усы, потом — вся крыса. Огромная, серая, в цилиндре (маленьком, из картона) и с тросточкой (из пера). Это был Король Крыс.

— Генри, — сказала крыса человеческим голосом, с придыханием. — Какая честь. Вы пришли.

— Где карта? — спросил кот, не тратя времени на церемонии.

— Где Роза? — парировал Король.

— В клетке. Но сегодня же её выпустят, как только мы получим сокровища.

— Выпустят? — Король усмехнулся. — Вы, люди, никогда не выпускаете. Вы сажаете в клетки и забываете. Я видел ваши тюрьмы. Я там бывал. Шутка. Конечно не бывал. Но слышал.

— Карту — в зубы, — отрезал Генри, выпуская когти. — Или я защекочу тебя до смерти.

— Не надо щекотки, — Король сделал шаг назад. — Вот карта.

Он вытащил из маленького рюкзачка, притороченного к спине, свёрток пергамента. Генри схватил его лапой, развернул. На карте был изображён лабиринт подземелий под Литейным мостом, с отметкой «Сокровища здесь. Кладовая бывшего буфетчика. Вход с правой стороны трубы».

— А если это обман? — спросил Генри.

— Проверьте, — усмехнулся Король. — Я буду здесь. Ждать. И Розу. Если через час вы не вернётесь — я уйду и больше никогда не появлюсь. А сокровища останутся в канализации до следующего потопа.

Генри спрыгнул с парапета, подошёл к трубе, втянул носом воздух. Запах был отвратительным — сероводород, гниль, старые тайны. Но где-то в этом смраде сквозил тонкий аромат... ландышей. Тот же, что у фон Штольца.

— Странно, — подумал кот. — Откуда в канализации ландыши?

Он полез в трубу. Екатерина Алексеевна — за ним, невидимая, но ощутимая — как холодный ветерок. Подземелье расширялось, превращалось в огромный зал с кирпичными сводами. Где-то капала вода, что-то скреблось, кто-то дышал.

— Генри, — прошептало привидение. — Я чувствую. Здесь не только сокровища. Здесь... люди.

— Какие люди?

— Те, кого ищет полиция. Контрабандисты. Фальшивомонетчики. И... пахнет жасмином.

— Жасмином?! — Генри замер. — Этого не может быть. Эссенцию сожгли. Все пузырьки уничтожены.

— Видимо, не все, — ответила Екатерина Алексеевна. — Кто-то сохранил. И теперь варит новую партию. В канализации. Под прикрытием крыс.

Они двинулись дальше. За поворотом открылась картина: огромный грот, освещённый масляными лампами. Посередине — котёл, в котором кипела зелёная жидкость. Вокруг — столы с колбами, пузырьками, ретортами. У стола стоял человек в чёрном плаще — высокий, худой, с лицом, скрытым капюшоном.

— Варите? — спросил человек. — Варите. Хорошо. Скоро мы вернём миру вкус. Тот самый, который украли люди.

— Это он, — прошептал Генри. — Профессор Безвкусный. Но он же в тюрьме!

— Вышел, — ответила Екатерина Алексеевна. — Или сбежал. Или его выпустили за хорошее поведение.

— Какое поведение? Он превращал людей в крыс!

— Тогда, — императрица помолчала. — Тогда это его двойник. Или ученик. Или сын. Генри, мы должны остановить его.

— А карта? А сокровища?

— Карта подделка, — вздохнуло привидение. — Это ловушка. Король Крыс работает на профессора. Он заманил тебя сюда, чтобы...

— Чтобы что?

— Чтобы превратить в крысу. Или в кота-ректора. Не знаю. Но это опасно.

Генри хотел было броситься на профессора, но в этот момент из темноты выскочили крысы — десятки, сотни — и окружили его. Впереди, на бочке, стоял Король Крыс.

— Генри, — сказал он. — Ты попался. Эссенция почти готова. Через минуту ты выпьешь её и станешь навсегда... кем? А кем мы решим. Может, крысой. Может, тараканом. Может, сметаной. Решать тебе?

— Не надо сметаной, — сказал Генри. — Сметану я люблю есть, а не быть.

— Вот и договорились, — улыбнулся Король. — Пей.

Он протянул коту стакан с зелёной жидкостью. Генри смотрел на неё, нюхал, и в этом запахе смешалось всё: жасмин, мята, лаванда, ландыши и ещё что-то очень родное — друг. Запах Мышкина.

— Прощай, друг, — прошептал кот и зажмурился.

И в этот момент Екатерина Алексеевна стала видимой, схватила стакан и выплеснула его содержимое в лицо Королю Крыс.

— Пей сам, — сказала она. — И не мучай кота.

Крыса заверещала, забилась, и прямо на глазах начала превращаться... в человека. Маленького, лысого, с пенсне.

— Профессор Безвкусный! — заорал Генри. — Ты — Король Крыс?!

— Я — всё, — прохрипел профессор. — Я — Король. Я — химик. Я — бог. Я хотел превратить тебя, чтобы ты стал моим слугой. Но не вышло.

— Не вышло, — сказал Генри и прыгнул ему на голову. — А теперь — сдавайся.

Он начал чесать профессора за ухом. Тот засмеялся, потом заплакал, потом заорал.

— Щекотно! — кричал он. — Прекрати!

— Прекращу, если скажешь, где настоящие сокровища.

— В котле! — заорал профессор. — Под зелёной жидкостью! Золото, серебро, драгоценности!

Генри заглянул в котёл. На дне, под слоем эссенции, блестели монеты, ложки, вилки, императорская корона (вторая, парадная), и... сметанница Екатерины Великой.

— Екатерина Алексеевна, — сказал Генри. — Ваша сметанница нашлась.

— О! — обрадовалась императрица. — Наконец-то! Я в ней сметану ела 250 лет назад. Вкусно было.

Они вытащили сокровища, профессора связали его же лабораторным халатом. Крысы, увидев, что их король — человек, разбежались.

— Генри, — сказала Екатерина Алексеевна. — Вы победили.

— Мы победили, — ответил кот. — Без вас я бы не справился.

— Без вас — я бы не знала, что сметанница существует, — улыбнулась императрица. — Идём. Мышкин ждёт.

В кабинете на Офицерской их встречали овациями. Мышкин обнял Генри, Мурка лизнула в нос, Лизы (обе) принесли сыр. Император, узнав о возвращении сокровищ, пожаловал Генри титул «Кот-герой канализации» и прислал банку сметаны с золотой каёмкой.

— Генри, — сказал Мышкин, когда они сели за стол. — Ты рисковал собой. Опять.

— Риск — благородное дело, — ответил кот, слизывая сметану. — Особенно когда награда — сметана.

— А профессор? — спросила Мурка.

— Профессор снова в тюрьме, — усмехнулся Генри. — На этот раз — надолго. Ему добавили статью за подделку документов и незаконное использование крыс.

— А крысы?

— Крысы разбежались. Роза осталась в сапоге. Исправляется.

Генри доел сметану, облизнулся и лёг на подоконник. За окном уже светало. Петербург просыпался, и где-то в этом городе, в канализации, остались невыловленные преступники. Но это — завтра.

А сегодня — победа.

Сладкая, как сметана.

Глава 4.

Прошла неделя с момента разгрома подпольной лаборатории в канализации. Профессор Безвкусный сидел в тюрьме, крысы разбежались, сокровища вернулись в императорскую сокровищницу. Казалось, можно выдохнуть и наслаждаться спокойной жизнью. Но спокойная жизнь для Мышкина и Генри — понятие относительное.

Всё началось с того, что в Эрмитаже объявились… три профессора Безвкусных. Один — в египетском зале, рассматривал саркофаги и делал пометки в блокноте. Второй — в античном зале, трогал амфоры и нюхал оливковое масло. Третий — в картинной галерее, стоял перед Даной Рембрандта и утверждал, что «у женщины неправильный вкус».

Директор Эрмитажа, старый академик Шишкин (не путать с художником), был в панике.

— Господин Мышкин! — закричал он в трубку оптического телеграфа (новшество 1824 года). — У нас тут трое одинаковых профессоров! Они ходят по залам, пугают посетителей, а один даже попробовал на вкус греческую статую! Откусил кусочек мрамора! Говорит, что проверяет на подлинность! Приезжайте немедленно! С котом! Который нюхает!

Мышкин, Генри, Мурка и Екатерина Алексеевна прибыли в Эрмитаж через час. Императрица-привидение, кстати, очень обрадовалась возможности посетить музей, который при жизни не успела достроить.

— О, а вот здесь я хотела поставить туалет, — сказала она, паря под потолком. — А здесь — комнату для икры. Не успела. Царствие Небесное помешало.

— Екатерина Алексеевна, — перебил Генри, — вы не могли бы сосредоточиться? Нам нужно поймать трёх профессоров.

— А их нужно ловить? — удивилась императрица. — Может, они просто экскурсанты? Такие же привидения, как я?

— Один откусил кусок статуи, — напомнил Мышкин.

— Тогда это вредитель. Хотя статуя — гипсовая. Не жалко.

Они вошли в египетский зал. Профессор №1 стоял у саркофага и пытался открыть крышку.

— Не надо! — крикнул Мышкин. — Это экспонат!

— А мне нужно проверить, не спрятана ли внутри эссенция, — обернулся профессор. — Я — Безвкусный. Я знаю, где искать.

— Вы — Безвкусный? — переспросил Генри. — А кто же тогда сидит в тюрьме?

— Это мой брат, — ответил профессор №1. — Идиот. Он не понял моей идеи. Я хотел не отнимать вкус, а улучшать его. А он начал воровать сокровища. Мы разругались. Теперь я работаю в одиночку. И ищу древние рецепты. В саркофагах.

— А ваши другие братья? — спросила Мурка.

— В античном зале и в картинной галерее. Тройняшки. Мы похожи, но разные по убеждениям. Я — за улучшение вкуса. Второй — за возвращение вкуса древним грекам. Третий — считает, что картины должны пахнуть. Мы спорим. Но мы не преступники.

— А откусанный мрамор? — спросил Мышкин.

— Это был несчастный случай, — вздохнул профессор. — Я споткнулся. И рука… сама собой… откусила. Мрамор безвкусный. Кстати.

Генри понюхал профессора. Тот пах чернилами, пылью и… мятой. Не жасмином — мятой.

— Он не врёт, — сказал кот. — Но и не договаривает.

— Что вы скрываете? — спросил Мышкин.

— Я ищу рецепт «Эссенции Справедливости», — признался профессор. — Она возвращает украденный вкус тем, кого обидели. Мои братья хотят её уничтожить. А я — найти и использовать.

— А где она?

— В саркофаге, — профессор указал на древний гроб. — Под мумией. Я чувствую запах.

Генри подошёл к саркофагу, залез внутрь (мумия, к счастью, оказалась муляжом) и вытащил… маленький пузырёк. С мутной жидкостью. Без запаха.

— Это она? — спросил Мышкин.

— Она, — профессор прослезился. — Я искал её десять лет. Отдайте. Я верну вкус миллионам. Бесплатно.

— А братья?

— Братья — за тем, чтобы этот рецепт исчез. Они считают, что только страдание заслуживает вкуса. А я — что каждый имеет право на счастье. Даже если это счастье — вкус ухи.

— Генри, — Мышкин посмотрел на кота. — Что делать?

— Отдать, — сказал Генри. — Но под присмотром. Мы поедем с ним. И будем контролировать. А братьев арестуем. Они — преступники. Они украли императорские сокровища. И прячут их в Эрмитаже.

— Где? — спросил Мышкин.

— В античной амфоре, — ответил профессор №1. — Второй брат положил туда золото, чтобы никто не нашёл. А третий брат — в картину Рембрандта. За раму. Я видел.

Они пошли в античный зал. Профессор №2 стоял у амфоры и поливал её уксусом.

— Что вы делаете? — заорал Мышкин.

— Очищаю, — ответил профессор. — Амфора должна пахнуть вином. А пахнет мышами. Это неправильно.

— А золото? — спросил Генри.

— Какое золото? — профессор побледнел.

— То, что внутри.

Генри залез в амфору (с трудом, потому что горлышко было узким) и вытащил свёрток с императорскими червонцами.

— Арестован, — сказал Мышкин. — За кражу.

— Но я хотел как лучше! — закричал профессор №2.

— Как лучше — это не красть, — ответил Генри. — Это главное правило. Даже для профессоров.

Они пошли в картинную галерею. Профессор №3 стоял перед Даной Рембрандта и брызгал на неё духами.

— Это музей! — крикнул Мышкин. — Вы портите картину!

— Я улучшаю, — сказал профессор №3. — Женщина на портрете должна пахнуть розами. А пахнет краской и плесенью. Это неправильно.

— А золото? — спросил Генри.

— Какое золото? — профессор попятился.

Генри залез за раму (рискуя сломать усы) и вытащил второй свёрток — с драгоценностями.

— Вы арестованы, — сказал Мышкин. — Все трое. За кражу, порчу музейных экспонатов и моральный ущерб.

— А как же рецепт «Эссенции Справедливости»? — спросил профессор №1.

— Рецепт останется у нас, — ответил Генри. — Мы проверим его. Если он безопасен — вернём. Если нет — уничтожим.

— А если он вкусный? — спросила Мурка.

— Тогда съедим, — усмехнулся Генри. — Шутка. Отдадим учёным. Пусть изучают.

Профессоров увели. Эрмитаж вздохнул с облегчением. Директор Шишкин пожал руку Мышкину, погладил Генри и подарил музею новый экспонат — пузырёк с эссенцией (временно). Екатерина Алексеевна осталась на ночь в Эрмитаже, чтобы, как она выразилась, «поностальгировать».

— Генри, — сказал Мышкин, когда они вернулись в кабинет. — Ты сегодня снова спас музей. И сокровища. И вкусы.

— Я спас справедливость, — поправил кот. — Остальное — сопутствующее.

— А что ты думаешь о трёх профессорах?

— Они — жертвы своего гения, — вздохнул Генри. — Один хотел добра, второй — порядка, третий — красоты. А получилось — преступление. Потому что добро, порядок и красота без закона — это хаос.

— Ты философ, — сказал Мышкин.

— Я кот, — ответил Генри. — Коты — это живые философы. С усами.

Он лёг на подоконник, потянулся и закрыл глаза. Мурка легла рядом. Лизы (обе) засопели в сапогах. Екатерина Алексеевна прислала из Эрмитажа телеграмму-призрак: *«Всё спокойно. Мумии не шевелятся. Часовые не видят. Скоро вернусь. Икру не забыть»*.

— Генри, — спросил Мышкин. — А ты веришь, что эссенция справедливости существует?

— Верю, — ответил кот. — Она внутри нас. Просто не все знают, где крышка.

— Крышка?

— Ну да. Как у сметаны. Откроешь — и вкусно. Закроешь — и скучно. Справедливость — это когда крышка всегда открыта. Для всех.

— А для преступников?

— Для преступников — закрыта, — усмехнулся Генри. — Пока не исправятся. Тогда — открываем. И даём попробовать.

— А что даём?

— Сметану, — зевнул кот. — Это самое справедливое блюдо.

Он заснул, и ему снилась огромная миска, полная сметаны, в которой плавали три маленьких профессора и кричали: «Мы поняли! Вкус — это ответственность!» А сметана булькала и отвечала: «Наконец-то до вас дошло».

— Генри, — прошептал Мышкин, укрывая кота пледом. — Ты — лучший.

— Знаю, — ответил Генри во сне и улыбнулся.

А в Эрмитаже, в египетском зале, мумия (которая всё-таки была не совсем муляжом) приоткрыла один глаз и прошептала:

— Эссенция справедливости… Хорошая штука. Жаль, меня не угостили.

Глава 5.

После разоблачения трёх профессоров Безвкусных жизнь в Эрмитаже, казалось, вошла в привычное русло. Экспонаты стояли на местах, смотрители дремали у входа, и даже привидение Екатерины Великой, ночевавшее в картинной галерее, жаловалось только на сквозняки. Но ровно через два дня случилось нечто, что заставило побледнеть самого директора Шишкина.

Египетский зал, в три часа ночи, огласился странным звуком. Не скрипом, не шорохом — чиханием. Чихнула мумия. Та самая, которую профессор Безвкусный №1 пытался открыть. Та самая, которая считалась муляжом, но оказалась настоящей (как выяснилось позже, из-за ошибки реставраторов).

— Апчхи! — сказала мумия голосом, похожим на скрип несмазанной повозки. — Кто здесь? Почему так пыльно? И где моя кошка?

Смотритель, дежуривший в ту ночь, выбежал из зала с криком «Караул!», поскользнулся на натёртом паркете и сломал ногу. На его счастье, в Эрмитаже ночевала Екатерина Алексеевна, которая услышала чихание, увидела мумию (сидящую на саркофаге и потирающую бинты) и мгновенно понеслась на Офицерскую.

— Мышкин! Генри! — заорала императрица-привидение, врываясь в кабинет как ураган. — Вставайте! Мумия ожила! Она чихает! Она просит кошку! Я не шучу!

Мышкин, спавший на диване, свалился на пол. Генри, дремавший на подоконнике, выпустил когти и зашипел. Мурка проснулась, Лизы (обе) заверещали в сапогах, а Сметана №3 перепугалась и забулькала так громко, что её было слышно на соседней улице.

— Какая мумия? — спросил Мышкин, протирая глаза.

— Египетская, — ответила императрица. — Та, которую профессор трогал. Она теперь ходит. И чихает. И требует кошку. Ей за две тысячи лет, а она всё помнит.

— Чего помнит? — спросил Генри.

— Свою кошку. Которую замуровали вместе с ней. Фараон приказал. Чтобы душа в загробном мире не скучала.

— Кошку — в саркофаг? — возмутился Генри. — Это жестоко!

— Это традиция, — вздохнула Екатерина Алексеевна. — У нас тоже на Руси иногда любимых коней хоронили. Но кошек — реже.

— Ладно, — сказал Мышкин, натягивая штаны. — Едем. Генри, ты готов встретиться с древнеегипетским призраком?

— Я готов встретиться с кем угодно, — ответил кот. — Главное, чтобы этот кто-то не чихал на мои усы.

Эрмитаж ночью выглядел как декорация к готическому роману. Луна светила в окна, статуи отбрасывали длинные тени, а в египетском зале горела единственная масляная лампа, которую забыл погасить смотритель. Мумия сидела на саркофаге, перебирала бинты и тихо напевала что-то на древнеегипетском — похожее на заклинание или на колыбельную.

— Здравствуйте, — сказал Мышкин, входя в зал. — Вы… вы говорите по-русски?

— Говорю, — ответила мумия. — Языки — моя страсть. При жизни выучила двадцать. Загробный мир заставил выучить ещё десять. Русский — красивый, но сложный. Особенно ваши падежи.

— А как вас зовут? — спросил Генри, принюхиваясь. Мумия пахла ладаном, пылью и… немного котлетой. Видимо, бальзамирование было неидеальным.

— Нефертити, — сказала мумия. — Но это не та Нефертити, о которой вы думали. Я — простая принцесса из пятой династии. Любила кошек, песок и икру (хотя у нас икры не было, но я мечтала). Вы не могли бы найти мою кошку? Её мумия где-то здесь. В соседнем саркофаге. Её зовут Бастет. Она рыжая, как солнце. И очень ласковая.

— Ваша кошка тоже мумия? — переспросил Генри с ужасом.

— Ну да. Мы фараоны, мы всё мумируем. Даже мышей.

Генри побледнел (насколько может побледнеть рыжий кот) и отступил на шаг.

— Я не буду нюхать мумию кошки! — сказал он. — Это неуважение!

— А ты ей понравишься, — улыбнулась Нефертити. — Бастет любила живых котов. И она не кусается. Почти никогда.

— Почти? — переспросил Мышкин.

— Ну, если её разбудить неправильно — может и цапнуть. Но вы разбудите правильно. С молоком и лаской.

Мышкин открыл соседний саркофаг. Внутри, на бархатной подушке, лежала маленькая мумия кошки — завёрнутая в льняные бинты, с золотыми глазами (инкрустированными) и с оскаленными зубками.

— Генри, — сказал Мышкин. — Твоя задача — разбудить её. Но аккуратно.

— А если она укусит? — спросил кот.

— Тогда ты будешь похож на меня, — сказала Мурка. — С прокушенным ухом. И это будет романтично.

— Не романтично, — вздохнул Генри. — Но приказ есть приказ.

Он подошёл к кошачьей мумии, понюхал её, чихнул и тихо мяукнул.

— Бастет, — сказал он. — Твоя хозяйка зовёт. Просыпайся. Древний Египет кончился. Наступил век пара и сметаны.

Мумия кошки зашевелилась. Бинты затрещали. Золотые глаза открылись. И маленькая, сухая, но живая кошка выбралась из саркофага, потянулась и сказала:

— Мяу. Где молоко?

— Она говорит! — заорала Мурка.

— Она — мумия, — напомнил Генри. — Мумии умеют всё. Даже говорить. Даже чихать. Даже требовать молоко.

Нефертити со слезами на глазах (настоящими, солёными) обняла свою кошку.

— Бастет! — воскликнула она. — Ты жива!

— Я — мумия, — ответила кошка. — Это не совсем жизнь. Но лучше, чем ничего. А где мы?

— В Эрмитаже, — сказал Мышкин. — Это музей. Здесь показывают древности.

— А мы — древности? — спросила Бастет.

— Вы — экспонаты, — вздохнул Мышкин. — Но мы можем договориться о ночных прогулках. Главное — не пугать смотрителей.

— А молоко? — повторила Бастет.

— Будет молоко, — пообещал Генри. — И сметана. И рыба. Но за всё нужно работать.

— Работать? — удивилась мумия кошки. — За две тысячи лет я забыла слово «работа». Моей работой было спать на коленях у фараона.

— Вашей работой будет спать на коленях у Мышкина, — сказал Генри. — И нюхать преступников. И ходить с нами на задания. Согласны?

Бастет посмотрела на Нефертити. Та кивнула.

— Согласна, — сказала мумия кошки. — Но только если мне не придётся мыться. Я древняя, я не люблю воду.

— Договорились, — сказал Мышкин. — Добро пожаловать в команду.

Вернувшись в кабинет, они устроили мумиям отдельное место — на книжной полке, рядом с атласом звёздного неба. Нефертити села на томик Пушкина, Бастет свернулась на «Истории государства Российского». Екатерина Алексеевна парила под потолком и рассматривала новеньких.

— А она не будет меня есть? — спросила императрица, указывая на кошачью мумию.

— Я ем только сметану, — ответила Бастет. — И рыбу. Привидения несъедобны. Я пробовала. В Фивах.

— В Фивах водятся привидения? — удивился Генри.

— Водятся. Особенно в храмах. Но они безвкусные.

— Как и вся загробная жизнь, — вздохнула Нефертити. — Тоска. Хорошо, что теперь у нас есть вы. И Эрмитаж по ночам. И сметана.

— А ваша мумия? — спросил Мышкин. — Она не развалится при ходьбе?

— Сохранилась хорошо, — гордо ответила принцесса. — Египетские бальзамировщики — лучшие в мире. Даже спустя тысячи лет я могу чихать, ходить и требовать справедливости.

— А вы не хотите вернуться в Египет? — спросила Мурка.

— Зачем? — удивилась Нефертити. — Там сейчас пустыня, туристы и криминал. А здесь — культура, либерализм и котлеты по-киевски. Мне нравится.

— И коты, — добавила Бастет, ластясь к Генри. — Ты пахнешь сметаной. Это хорошо. Дай понюхать ещё.

Генри нехотя подставил усы. Мумия кошки обнюхала их, чихнула (но безвредно) и сказала:

— Ты — настоящий. И усы — красивые. У моего фараона были такие же. Правда, он их брил. Глупый.

— Мой Мышкин не бреет, — гордо сказал Генри. — Он уважает котов.

— Молодец, — Бастет посмотрела на Мышкина. — Будешь жить долго.

— Спасибо, — улыбнулся Мышкин.

Они легли спать. Мумии устроились на книжной полке, Екатерина Алексеевна — в стене, Генри и Мурка — на подоконнике. Лизы (обе) — в сапогах, Сметана №3 — в плошке. Всё было тихо, мирно и необычно.

— Генри, — прошептал Мышкин. — Ты не боишься, что мумии оживут по-настоящему и захотят вернуться в прошлое?

— Не боюсь, — ответил кот. — Прошлое — это как старая сметана. Тоже вкусная, но с душком. А настоящее — свежее. И в нём есть мы. И Эрмитаж. И приключения.

— А любовь? — спросила Мурка.

— И любовь, — кивнул Генри. — Даже мумии любят. Особенно кошек.

Он закрыл глаза и заснул. Ему снились пирамиды, песок, фараоны и огромная миска сметаны, которую подавала мумия кошки с криком: «Это тебе за две тысячи лет ожидания!». И это был странный, но приятный сон.

— Спокойной ночи, Генри.

— Спокойной ночи, Мышкин.

— Спокойной ночи, древний мир, — сказал кот и улыбнулся во сне.

А в Эрмитаже, в египетском зале, пустой саркофаг тихо скрипнул крышкой. Изнутри донёсся шёпот:

— Вот так всегда. Придут, разбудят, уведут. А кто здесь останется? Я. Один. Замкнутый. И никто не спросит, как меня зовут.

Но это был просто сквозняк.

Или нет?

Глава 6.

Прошло три дня с момента, как мумии Нефертити и Бастет поселились в кабинете Мышкина на Офицерской. За это время древние гости успели привыкнуть к самовару, заинтересоваться сметаной и даже однажды попытались почистить бинты утюгом (пришлось вызывать пожарных). Но самое странное произошло не в кабинете, а в Эрмитаже, куда Мышкин и Генри отправились для составления описи "воскресших" экспонатов.

— Генри, — сказал Мышкин, входя в египетский зал, — ты не находишь, что здесь чего-то не хватает?

— Не хватает мумии, — ответил кот, принюхиваясь. — Вон тот саркофаг, что стоял у стены, — пуст. А на крышке — записка.

Они подошли к саркофагу. Внутри — только пыль, старые бинты и маленький клочок папируса. На папирусе было написано иероглифами, по-древнеегипетски, но Мышкин, как оказалось, знал древнеегипетский (сказались три года обучения в гимназии, где преподавал бывший миссионер).

«Я — Тутмос, брат фараона. Я не хочу быть мумией. Я хочу жить. Я ушёл в шкаф. Ищите там. Подпись: Тутмос, который обижен».

— В шкаф? — удивился Генри. — Какой шкаф?

— Вон там, — показал Мышкин на массивный дубовый шкаф в углу зала. — Раньше там хранились реставрационные материалы. А теперь — кто знает.

Они открыли шкаф. Там, на полке между кистями и тюбиками с краской, сидела мумия. Маленькая, сухая, с обиженным выражением лица (насколько может быть обиженное лицо у мумии). Она держала в руках кусок сыра и злобно смотрела на котов.

— Вы кто? — спросила мумия писклявым голосом.

— Мы — сыщики, — ответил Генри. — А вы — Тутмос?

— Я — Тутмос. Младший брат фараона Рамзеса Девятого. Меня замуровали в саркофаг за то, что я съел священного крокодила. А я не ел! Я его только понюхал!

— Запах крокодила убил святость? — спросил Мышкин.

— В Древнем Египте — да, — вздохнул Тутмос. — Нюхать священных животных запрещалось. За это — мумификация заживо. Я пролежал в саркофаге три тысячи лет. А когда очнулся в этом музее, решил сбежать. Но куда денешься? Я — мумия. Меня все боятся. Даже крысы.

— А почему вы в шкафу? — спросил Генри.

— Потому что там темно, сыро и пахнет маслом. Как в саркофаге. Я привык. Я — мумия консервативных взглядов.

В этот момент в зал вбежала Нефертити (её отпустили в Эрмитаж на ночную прогулку) в сопровождении Бастет.

— Тутмос! — закричала она. — Ты жив!

— Я — мумия, — поправил брат фараона. — Это другая форма жизни. Но я рад тебя видеть. А это кто? — он указал на Генри.

— Это — Генри. Говорящий кот. Сыщик. Он нас спас. И Бастет тоже. Теперь они — наша команда.

— Команда? — Тутмос недоверчиво покачал головой (бинты затрещали). — У меня никогда не было команды. Только рабы, жрецы и крокодилы.

— Крокодилы не в счёт, — заметил Генри. — Выходите из шкафа. Мы вас приютим. Но с условием: вы не будете есть сыр в неположенных местах. И не будете нюхать священных животных. Их в Петербурге почти нет.

— А императорские крокодилы? — спросил Тутмос. — Я слышал, у вас в Зимнем дворце живёт крокодил? Подарок из Египта?

— Живёт, — честно признал Мышкин. — Но он не священный. Он просто старый и злой. Его зовут Гена. Он ест только котлеты и газеты.

— Котлеты — это не священно, — обрадовался Тутмос. — Тогда я могу его понюхать?

— Можете. «Но лучше не надо», —сказал Генри. — Гена кусается. И не любит мумий. Он их путает с египетскими пельменями.

— Я не пельмень! — возмутился Тутмос.

— А пахнете как пельмень, — чихнул Генри. — Древний. С душком. Простите, работа такая — нюхать.

Они вернулись в кабинет на Офицерской. Тутмоса посадили на стул (предварительно подложив газету, чтобы не осыпался), угостили чаем (он не пил, потому что мумии не могут глотать, но сделал вид) и рассказали о современных порядках.

— Так, — сказал Тутмос, выслушав. — Я понял. Вы ловите преступников, нюхаете улики и едите сметану. А я что буду делать?

— А что вы умеете? — спросил Мышкин.

— Я умею проклинать, — гордо ответил брат фараона. — На древнеегипетском. Это действует на расстоянии. Превращает врагов в ... ну, не буду говорить во что. Но мне это не нравится. Проклятия — это зло. Я хочу быть добрым.

— Тогда будете нашим экспертом по древностям, — сказал Генри. — Если встретится преступление с древнеегипетским следом — вы нам поможете.

— А платить будете? — спросил Тутмос.

— Сыром, — пообещал Генри. — Много сыра. И сметаной.

— Идёт, — кивнул брат фараона. — Но только без крокодилов. Я их боюсь. С детства.

В этот момент в дверь постучали. Вошёл дворник Никифор с запылённым свёртком в руках.

— Ваше благородие, — сказал он. — Из Эрмитажа передали. Новый экспонат. Говорят, срочный. И пахнет странно.

Мышкин развернул свёрток. Там был маленький амулет — золотой скарабей, с глазами из лазурита и с иероглифами на брюшке.

— Это моё! — закричал Тутмос. — Я потерял его три тысячи лет назад! Оно дарует бессмертие тому, кто его носит. Но я уже мумия, мне не надо. А вам пригодится.

— Бессмертие? — переспросил Мышкин. — Серьёзно?

— Серьёзно, — подтвердила Нефертити. — Тутмос всегда нёс чушь, но в этом амулете есть сила. Я чувствую.

— А как им пользоваться? — спросил Генри.

— Надеть на шею и сказать: «Амон-Ра, я твой раб», — ответил Тутмос. — Но лучше не надо. Амон-Ра — бог солнца, он любит жертвы. А жертвы — это сметана. Вы готовы отдать всю сметану?

— Никогда! — заорал Генри. — Сметана моя!

— Тогда не надевайте, — спокойно сказал Тутмос. — И без бессмертия проживёте. Смертные тоже неплохие. Я знаю.

Мышкин спрятал амулет в сейф, чтобы никто не украл. Генри сел на подоконник, облизнулся и сказал:

— Мышкин, а ты не боишься, что за амулетом придут? У нас и так мумии, привидения, крысы, коты. А теперь ещё и боги египетские?

— Боги — это миф, — ответил Мышкин. — А преступники — реальность. Завтра у нас новое дело. Пропала императорская табакерка. Из спальни. Прямо из-под подушки.

— Табакерка? — оживился Генри. — Это пахнет никотином и заговором. Едем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.